

Метро 2033: Парад-алле

Автор:

Олег Грач

Метро 2033: Парад-алле

Олег Грач

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Бывший цирковой артист волею судеб оказался в новосибирской подземке в тот день, когда привычный мир рухнул. Его преследуют старые воспоминания, детские кошмары, чувство вины и чудовищная Птица с человеческими чертами. Циркач путешествует по метро и поверхности, дает отпор бандитам и страшному режиму, зарождающемуся на «Сибирской». А после и вовсе оказывается втянутым в войну между двумя крупнейшими станциями новосибирского метро.

Олег Грач

Метро 2033: Парад-алле

© Д. А. Глуховский, 2019

© О. Грач, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Объяснительная записка Анастасии Калябиной. Тот в цирке не смеется...

Что представляет из себя цирк?

Посудите сами, цирк – это смешение странного, невозможного и смешного. Цирк удивляет, завораживает, а на многих наводит страх. Почему многие дети боятся клоунов? Явно не из-за книжки Стивена Кинга. Клоуны странные, а человеку свойственно бояться всего необычного.

«В нашем цирке вы встретите бородатую женщину, мальчика без костей и человека-амфибию! Силач поднимет лошадь над головой, а акробаты без страховки пройдут по канатам прямо под куполом цирка! Чародей загипнотизирует змею, а укротитель не испугается положить свою голову в распахнутую пасть льва. Под его руководством царь зверей прыгнет в пытающее кольцо и даже не подпалит гривы».

Цирк манит, притягивает и пугает. Цирк смешит только неискушенных зрителей, все остальные понимают, что там, под куполом, разворачивается настоящее волшебство. Супергерои не охраняют Готэм, они работают в цирке.

Герои романа Олега Грача – спасшиеся циркачи. Они сменили яркие костюмы на простую постыдерную одежду и, как и все в Метро, пытаются выжить. Только в цирке все необычно. Реальность и вымысел переплетутся в дикой пляске и утянут вас с собой в водоворот событий.

Вселенная Метро всегда проверяла людей на вшивость. Кто превратится в чудовище, а кто сохранит остатки человечности – бывший бухгалтер или бывший спецназовец? Кто будет нужен, а кто бесполезен – бывший врач или глава большой корпорации? Метро расставляет свои приоритеты, здесь новые технологии и модная одежда не важны. Здесь необходимы навыки выживания и борьбы. Теперь проверку проходит цирковая труппа. Что же будет с ними в Метро?..

I отделение

Глава 1. Желторотики

Ветер еле заметным дыханием перебирал волосы, прикасался к незакрытой респиратором части лица и летел дальше, чтобы запутаться высоко в кронах деревьев и заставить их звучать родным сердцу шелестом. Точно так же, как много лет назад, когда все за пределами наших метро-нор еще не пыталось нас убить.

Шелест листьев – это то, что я люблю больше всего на поверхности. Это то, за чем мое сердце каждый раз зовет меня вверх, в то время, как разум пытается прикрыться видимостью каких угодно дел, будь то добыча жизненно важных для станции ресурсов или, как сейчас, плановый выгул молодых сталкеров. Моим зеленым падаванам этого не понять, они родились намного позже.

Мы шли вчетвером, или, скорее, плыли в густом мраке сентябрьской ночи. Трое моих подопечных – остроносый красавец Щука, сутулый Гуль с вечными синяками под глазами, простецкий парень Леха. И я, Эдуард, в прошлой жизни цирковой артист, а теперь – сталкер, дядя Эдик для моих желторотиков и просто Циркач – для большей части жителей станции. Нам предстояло обогнуть квартал по знакомым тропам и вернуться на станцию.

Сова налетела внезапно. Мы все тут же упали на землю, как при бомбежке, а тварь пролетела над нами со свистом и громовым уханьем. Пока она не описала

круг над цирком, мы живо расползлись по укрытиям и постарались максимально слиться с окружающими нас кусками бетона и с остовами брошенных автомобилей.

Прильнув к глазку ПНВ, я осмотрел позиции ребят. Молодцы, все как учил, сидят по укрытиям, молча и не двигаясь. Леха укрылся за обломком стены в десяти шагах к югу от меня, примерно на таком же расстоянии к северо-востоку Гуль устроился за уцелевшей машиной скорой помощи, чуть дальше него Щука залег среди поваленных деревьев. Резкий крик Лехи заставил меня перевести взгляд обратно на него, и тут же с ног до головы меня окатил поток воздуха, который здесь и сейчас мог быть создан только гигантской птицей на бреющем полете.

Сова поднялась выше, чтобы зайти на очередной круг, и я со всех ног рванул к раненому. Рефлексы не подвели, как и всегда, и в несколько бесшумных прыжков я оказался за бетонным блоком возле Лехи. И если кто-то в сытом трепе у стационарного костра заикнется, что в свои сорок семь я уже старик, пусть выйдет со мной на поверхность, и мы еще посмотрим, кто кого.

За спиной ночь прорезала длинная автоматная очередь. Молодцы ребята. Они – молодцы, а вот ты, Леха – нет. Бегло осматриваю хрипящего парня. Левая рука разорвана в мясо. Твою мать, Леха! Замолчи, хотя бы замолчи!

Сейчас – жгут. Черт, как же скользят руки. Главное – не высунуться самому. Много, много крови. Повязки пропитываются слишком быстро. Затянуть жгут ту же.

Подаю Гулю знак, что все плохо. Увидел, кивнул. Хорошо, будем выбираться.

Даже в темноте было заметно, что лицо Алексея побелело. Еще вчера этот живчик травил анекдоты у стационарного костра, а теперь что? Раненый сталкер затих. В небе над нами раздалось пронзительное верещание, а над самой моей головой пролетело нечто грузное. Я инстинктивно пригнулся, почти уткнувшись лбом в залитое кровью плечо парня, и не двигался. Кажется, даже не дышал.

Сова плохо видит, несмотря на размеры своих глаз, напоминающих золотые блюда, поэтому, если замереть, она пролетит мимо.

И именно в тот момент, когда это чудовище, покрытое темными перьями, больше напоминающими сплошную местами отслаивающуюся коросту, пролетало над улицей, Леха зачем-то приподнялся. Чего же ты хотел, зеленый придурок? Посмотреть на нее поближе?

Сова круто развернулась по направлению к раненому. Мне ничего не оставалось, кроме как выскочить из укрытия и дать длинную очередь. И может, все на том бы и закончилось, если бы у сов не успел начаться стайный сезон.

Но нет, беда не приходит одна. На грохот стрельбы из-за ближайшего дома в воздух поднялось еще штук пять таких же тварей. Раненая птица, осмелев от присутствия сородичей, поддела Леху лапой, и бок его комбинезона быстро окрасился в красновато-черный цвет. Парень упал лицом вниз на покрытый трещинами асфальт.

А разъяренная подстреленная тварь кинулась ко мне. Справиться с совами непросто даже группе подготовленных ходоков. Со всех сторон слышалась пальба. Но группа из трех человек не может перебить целую стаю. Нужно отступать. Парни метрах в десяти от меня. Слишком далеко, слишком мало времени. Я взвалил бедолагу на себя и, не чувствуя тяжести, побежал к своим. И надо отдать ребятам должное – они прикрывали нас на совесть.

– В щели! – крикнул на бегу Щука, хотя все и так знали, что от сов следует прятаться в узкие места, куда эти громадины размером с фургон не смогут пролезть.

Мы бежали в темноте, между брошенных автомобилей, пригнувшись, спотыкаясь и стараясь держаться самых густых теней. А за спинами у нас, высоко в воздухе, кружили эти твари.

Несколько лет назад на моих глазах они подняли в воздух одиночку, который шел по направлению к площади. Парень, насаженный на когти-крюки, истошно кричал. Вряд ли мог что-то еще. И я выстрелил бы, но сова поднялась слишком высоко, чтобы у него были хоть какие-то шансы выжить.

Кажется, он умер еще в воздухе. Очень уж резко замолчал.

Тем временем, совы подлетали все ближе. Гуль и Щука огрызались короткими очередями, но было ясно, что надолго ребят не хватит. Нужно было срочно искать укрытие, о чем я и крикнул своим. Гуль побежал вперед, следом я, волоча Леху на себе, а замыкал нашу короткую цепь Щука.

Мы ворвались в разграбленное отделение банка как раз в тот момент, когда сова уже вытянула одну из своих лап, чтобы схватить добычу.

Тяжело дыша, я дал ребятам знак обследовать зал и боковые комнаты. Мало ли, что могло здесь поселиться. И когда парни вернулись, дав понять, что здесь никого, кроме нас, нет, я аккуратно опустил Леху на пол.

Отдышавшись, я обрисовал Гулю и Щуке план дальнейших действий.

Раненый захрипел и в полубреду схватил за руку наклонившегося над ним Щуку. Я выглянул в окно. Совы еще были здесь, они знали, где укрылась добыча, и раньше утра теперь не разлетятся. Но времени у нас не было, до утра Леха истечет кровью, и никакой врач ему уже не поможет. Придется рискнуть и понадеяться только на свою скорость. Если добежать до проулка, эти твари нас там не достанут. Но до него метров двести, никак не меньше. А в нашем случае это приличное расстояние. Леху, само собой, придется нести. Если понесут Щука или Гуль, то им конец. Даже моя скорость прилично упала, пока я его тащил. А вот если они поволокнут Леху вдвоем, то есть шансы.

Я перевел взгляд на парней. Мне придется одному прикрывать их, но выбора нет. Мы выходим.

* * *

Совы не так-то легко оставляют своих жертв, и сейчас они, предвкушая добычу из четырех сталкеров, кружили над улицей, оглашая окрестности резкими отрывистыми криками.

В другой ситуации я бы решил ждать до утра и попробовать проскочить в рассветный час, пока еще не выползли из своих нор серые черти. Но до утра Алексей истечет кровью, и тогда его уже вряд ли можно будет спасти.

Ничего, мы пройдем тихо, нас не заметят. Ребята – молодцы, ребята справятся.

Подхватив раненого Алексея, Гуль и Щука медленно и осторожно лавировали между островами машин.

Пешеходная зона слева от нас густо заросла чем-то, что раньше было обыкновенными тополями. Теперь гигантские деревья образовали густые и темные заросли.

В переплетениях ветвей время от времени что-то тускло блеснуло, и мне очень хотелось верить, что это не чьи-нибудь глаза.

Мы шли метр за метром – тише воды, ниже травы, прильнув к своим стареньким ПНВ – тяжелым неудобным кускам стекла и металла, которые были когда-то добыты из магазина товаров для охоты и рыбалки. Но любая вещь, которая может дать преимущество в схватке с одичавшей природой, должна быть использована, даже если ее приходится держать единственной свободной рукой, при том, что другой ты тащишь раненого товарища.

Улица перед нами, а точнее, кладбище автомобилей, в которое она превратилась двадцать лет назад, представляла собой настоящую полосу препятствий для несведущего человека. Мы же были здесь не первый раз и свою тропу знали хорошо.

Если пройти сквозь старый автобус с открытыми дверями, то можно без проблем миновать препятствие в виде блокирующего дорогу грузовика, который когда-то врезался в бок этого самого автобуса. Скелеты на полу между сиденьями меня совершенно не пугали, куда страшнее был тот факт, что крыша автобуса была изодрана и наполовину сорвана, а относительно неповрежденные стены лишали обзора. Но мы быстро миновали это место и вышли на более-менее свободный участок дороги, напоминающий извилистую просеку. На этом достаточно открытом отрезке мы могли стать легкой добычей для летучих тварей, если, конечно, нас угораздит привлечь их внимание громкими звуками или светом фонарей. Но мы знали свое дело и тихонько двигались дальше.

И вот, пройдя просеку до половины, когда до станции оставалось не больше ста метров, Щука споткнулся, матерясь сквозь зубы, резко присел на колени и невольно дернул Алексея за поврежденную руку так, что тот не смог сдержать

крик. Внутри меня что-то оборвалось. Да чтоб тебя! Ну все. Тихо не вышло. Над нами послышался нарастающий шум крыльев. Услышали, твари. Заметили. От Проспекта, от спасения нас отделяли буквально два шага, но сейчас они были равны паре световых лет. Совы стремительно неслись на нас. Дьявол!

– Бегите к станции! – рявкнул я и сорвался с места, прямо в лапы к совам.

На бегу включил налобный фонарь, едва нащупав пальцами в толстых перчатках кнопку. Все, ребята, теперь весь огонь – на меня.

Гулю и Щуке не надо было повторять дважды.

Они побежали как могли – рваным шагом, неслаженно огибали препятствия, переваливались, как хромое трехголовое чудище. Ладно, даст бог, дойдут, – думал я, – или кто там еще бережет наши души.

Алексей то и дело вскрикивал, и мне пришлось дать длинную очередь, чтобы заглушить его, и сразу рвануть через дорогу, петляя между проржавевших остовов автомобилей.

Трюк удался, совы летели за мной, забыв про парней. Прямо над моей головой прошуршали перья.

Почти рефлекторно я упал плашмя на дорогу и откатился под ближайший автомобиль. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его биение передается по земле на несколько метров вокруг меня. Я уткнулся лбом в растрескавшийся асфальт и пытался отдышаться. Внезапно слух резанул истошный вопль.

Гуль!

Он кричал страшно, как будто его рвали на части. Через секунду прогремели выстрелы, а крик резко оборвался. Не успел я осознать, что произошло, как сверху, прямо на уцелевшую крышу машины, приземлилась сова. Вокруг закрипел металл, посыпалась ржавчина.

«Как глупо», – успел подумать я за мгновение до того, как на меня навалилась страшная тяжесть, придавила меня к земле, и все исчезло.

Глава 2. Исход

Цирк просыпается на рассвете. Постепенно. Вместе с проникающими в него солнечными лучами. Первыми пробуждаются голуби на крыше, потом – дворовые кошки, свернувшиеся в пушистые клубки, следом – животные в вольерах, а уж затем – двуногий персонал. Уборщики, униформисты. Заступают на дневную смену пожарные и охрана, отпуская по домам отдыхать своих сонных полуночных коллег. Появляются и артисты. Кто-то приходит из гостиницы, кто-то – со съемных квартир, а другие – из своих гардеробных, в которых почему-то решили заночевать. Последними в цирке просыпаются телефоны. И тотчас начинают оглашать кабинеты и коридоры громким звоном.

Когда же все встряхнулись и размялись, начинаются репетиции. Цирк, все его комнаты, залы, закутки и коридоры наполняются шумом и голосами. Возобновляются разговоры и споры, длящиеся иногда годами. Кто-то кого-то зовет, бежит по коридорам, обсуждает номера, «дежурит» (прим. автора – выражение «дежурить» у цирковых означает «зря тратить время», «заниматься чем угодно, кроме работы»), рассказывая и слушая истории, кто-то кормит и чистит животных, репетирует на манеже, бежит к осветителям и звуковикам или делает еще тысячу разнообразных цирковых дел.

Мой коллектив прибыл на гастроли в Новосибирск не так давно, всего пару дней назад. И сейчас, когда все разместились, мы всю репетировали. Ведь через несколько дней премьера!

Джигиты Калинов, Тульский и Барисов, называвшие себя братьями Абате, а на деле вообще не приходящиеся друг другу родственниками, суетились вокруг своих лошадей.

Клоун по прозвищу Бом бормотал текст очередной репризы. Когда закончилась репетиция первого отделения, униформисты установили на манеже клетку, вышел я. Мои рычащие артисты – следом. Не скажу, что не боюсь их. Все-таки тигры есть тигры, и нельзя знать наперед, что им взбредет в головы. Не боюсь,

но держусь настороже, готовый заметить малейшее изменение настроения моих полосатых актеров. Конечно, на подстраховке всегда стоит человек с брандспойтом, готовый в случае чего охладить пыл тигров мощной струей воды, но терять бдительность нельзя.

С утра, едва придя в цирк, я иду к своим подопечным, чтобы поздороваться с ними, и каждый раз искренне радуюсь, когда они сами тянутся ко мне. Подставляют уши сквозь прутья вольеров или тычутся носами в ладонь, словно рассказывая, как у них дела. Я люблю их. А они, выросшие рядом со мной с младых когтей, любят меня. Однако, как я уже сказал, любовь любовью, а зверь – зверем.

Шрам, тот тигр, что сидит на центральной тумбе, рассматривает своих более молодых соседей с видом умудренного опытом старожилы. Его я приобрел раньше остальных, еще совсем крошечным тигренком, которого сам, как ребенка, кормил молоком из бутылочки и всюду таскал с собой.

Репетиции часто заканчиваются поздно вечером, а то и вовсе за полночь.

Теперь нам тяжелее работать – залы заполнены едва ли наполовину. Зрители напряжены, и мы, артисты, это чувствуем. И изо всех сил стараемся не зажиматься и не пугаться прохладного приема. Воздух заряжен тревожным ожиданием и надеждой. А может, все еще обойдется? Но мобилизация войск, боевые действия, учения и колонны бронетехники, проехавшей по улицам города, как на параде, не дают нам покоя.

Работаем в полупустом зале, хотя раньше наши представления проходили с аншлагами. За несколько дней до премьеры на окошке кассы цирка висело чуть хвастливое объявление «Билетов нет!». А теперь? Пачки ярких билетов с неотрванным контролем так и пылятся в кассе.

Непривычно тихие аплодисменты звуковой волной взмывают под своды зала и теряются где-то там. На высоте, ведомой лишь воздушным гимнастам. Тусклые овации дополняет музыка, никто не вызывает нас на бис.

В моей примерной сидит, обнимая гитару, поющий Бом. Тут же – несколько артистов и двое униформистов, ожесточенно терзающих телефоны.

На грязноватом подоконнике одиноко стоит бутылка из зеленого стекла, почти до самого горлышка заполненная окурками. Этот мерзкий предмет целиком завладел моим вниманием, вытесняя собой и мерное шипение телевизора, и перепуганные голоса за дверью, и мертвый телефон в руке. Почему никто не отвечает? Почему нет связи? Почему не работает интернет? Почему не ловит радио? Почему здесь стоит эта бутылка? Почему все это происходит со мной? Сердце стучит так громко, что кажется, будто его стук заполнил собой всю комнату. Что-то произойдет. Скоро. Что-то будет, я чувствую. Что-то стоит на пороге. Мне страшно. Причем страшно настолько, что леденеют руки, а лихорадочное бурление мыслей в голове не дает сосредоточиться и понять, чего я, собственно, так боюсь, и что делать.

Кажется, я сплю. Мы все спим, просто спим, и нам снится кошмар. Скоро наступит утро и мы, проснувшись из-за ощупывающих лицо солнечных лучей, в панике подбежим к окну и вздохнем с облегчением. Ничего этого не было: ни танков, ни солдат, ни новостей. А все эти страшные кадры, летящие с экранов телевизоров, нам просто приснились. И все радиосводки нам слышались – сигнал плохой.

Еще раз набираю домашний номер. Вызов. Связь установлена. Условная переадресация. Ничего. Пустые гудки, писк, тишина. Методично, один за другим, обзваниваю друзей, коллег и знакомых. Глухо.

В голове стало вдруг пусто и гулко, все мысли улетучились, оставив после себя непривычную тишину. Стоя у клетки, я просто наблюдал за тигром, а тот – за мной. И на миг мне даже показалось, что все как обычно, все хорошо, и стоит мне выйти в коридоры, вокруг будет царить привычная суета, в учебном манеже будут репетировать артисты. Контролеры в ярко-красных пиджаках будут сновать между кресел и проветривать зал, в фойе их коллеги будут кричать «Не толпимся, уважаемые зрители, проходим!». Гардеробщицы будут предлагать бинокли, у каждой колонны начнут продавать программки, по всему фойе заблестят и замигают разные игрушки, на прилавок буфета выставят слишком сладкий попкорн. На первом этаже начнут фотографироваться с верблюдом, собаками, питоном и огромными облаками сахарной ваты. Конюхи засуетятся вокруг лошадей. И прозвенят звонки. Первый, второй, третий. И погаснет свет в зале, и...

Сирена взвыла так резко и громко, что тигр по кличке Шрам подскочил, прижал уши и зарычал, а я поймал себя на мысли, что и мне хочется сделать примерно

то же самое. Просто от испуга. Рык донесся и из соседних клеток.

Сорвавшись с места, я помчался выяснять, в чем дело, растолкав по пути двух растерявшихся конюхов. Что случилось? Пожар? Потоп? Террористы? Сирена выла, и чем дальше это продолжалось, тем стремительней нарастала тревога. У самого манежа на меня буквально налетели Бом и Герман – его партнер по номерам. Говорили они оба сразу, сбивчиво, а вокруг стоял такой шум, что единственное, что мне удалось выяснить, – случилось нечто из ряда вон выходящее. Что-то, чего не учили на учебных тревогах и о чем не рассказывали сотрудники службы безопасности. Если бы произошел пожар, или землетрясение, или кто-то обнаружил бы подозрительную забытую коробку, все, как один, знали бы, что следует делать. Помчались бы за огнетушителями, эвакуировали бы из здания животных и персонал, вызвали пожарных, полицию, саперов, в конце концов! Выбегая в зал, подталкиваемый клоунами, я уже нарисовал в своем воображении каких-то головорезов в черных масках и с автоматами наперевес и поспешно вспоминал, что нужно делать при захвате здания.

Однако никаких террористов в здании не оказалось. Хотя, судя по неразберихе, проблема была не меньшего масштаба, но ее сути я понять никак не мог. Толкающие меня к выходу Бом и Герман все время твердили, что нет времени, все вопросы потом, что я сам пойму, что к чему, и все повторяли про какие-то четырнадцать минут. Краем глаза я успел заметить, что многие на предельной скорости рванули к вольерам, и хотел было присоединиться, но Бом с такой силой тянул меня за собой, что, как ни упираться, бежать следом все равно пришлось.

– Бом, а как же Шрам и Мартин?..

Но на клички животных, которых надо было спасти во что бы то ни стало, ни он, ни Герман никак не отреагировали, только повторяли как заведенные: нет времени.

– Я не могу их там бросить!

Вцепившись в перила лестницы, ведущей в фойе второго этажа, я заставил клоунов остановиться.

– Нет, это я тебя не могу бросить! – крикнул Бом и, буквально схватив меня в охапку и пребольно ударив по пальцам, заставил отпустить перила.

– Но звери!..

– Им помогут! Быстрее, прошу тебя, быстрее, шевелись!

Нет, я все, конечно, понимаю, но...

– Кто тут, в конце концов, директор?!

– Захлопнись, директор! – заорал Бом и волоком вытащил меня на улицу.

* * *

Люди мечутся беспорядочно, кто-то выбегает на проезжую часть и тут же исчезает под колесами несущихся с бешеной скоростью автомобилей. Одна из машин теряет управление и врывается прямо в толпу, снося всех на своем пути.

Вокруг толпятся такие же, как я, плохо понимая, что происходит и куда деваться. Многие бегут к метро. Кажется, до входа всего ничего, но преодолеть эти пару сотен метров не так просто, когда тебя со всех сторон толкают, зажимают, хватают за одежду, а где-то в отдалении раздаются взрывы. И тебе тоже приходится отталкивать, оттеснять, пробиваться и при этом стараться не терять из виду своих. Кто-то отстал, но в такой толпе их уже не отыскать.

– Держаться вместе! – я пытаюсь перекрыть многоголосый хор паники и отчаяния. – Не отставайте!

Споткнувшись об колесо припаркованной на стоянке машины, падаю и пребольно стучаюсь плечом о бампер, а коленями об асфальт, теряю из поля зрения рыжеволосую голову лучшего друга, машинально ищу его глазами, но тут же кто-то из своих поднимает меня и подталкивает, заставляя бежать дальше. Мимо Вознесенского собора, вниз по улице. Четырнадцать минут. Сколько из них уже прошло? В голове бьется только одна мысль – как можно скорее добраться до заветных дверей.

Гром обрушивается с неба на землю, и хочется зажать уши руками, но тогда нечем будет пробивать себе дорогу через толпу.

Бома я вижу всего несколько секунд, которые навсегда врежутся мне в память. Толпа обезумевших от страха людей оттесняет его от стеклянных дверей в подземку. Я резко поворачиваю назад, к нему. Помочь, спасти. Но через пару шагов я получаю от кого-то апперкот и падаю. Чудом не затоптанный толпой, поднимаюсь, но Бома уже нет. Меня ожесточенно пихают в спину, я кричу, срывая голос, зову друга, но разве тут услышишь? Даже особенный цирковой свист, которым мы всегда перебивали вокзальный гомон и подзывали к себе своего экспедитора, растворился в чудовищной какофонии паники.

У дверей метро образовалась давка. Никто не пропускал вперед женщин, детей и стариков, которых всегда полагается спасать в первую очередь. Кто уж успел. Извините. Все мы хотим жить.

Как мы проскочили через эти двери – не понимаю. Вниз, через разветвленный переход с сотней торговых киосков. Под потолком – светящаяся табличка: «К поездам метро».

Вниз.

– Не отставать! – кричу я, не жалея связок.

Командую скорее по привычке, чем по необходимости. Все равно меня вряд ли услышат в сплошном, разноголосом крике ужаса. Но я ведь директор, я отвечаю за своих артистов, что бы ни произошло.

Мимо касс и стеклянной будки дежурного, через отключенный турникет – вниз, на станцию. Едва я ступил на пол «Проспекта», как гермодверь начала закрываться, отрезая станцию от лестницы, от поверхности, от тех, кто остался там, не успев вовремя. Оглядываю артистов. Многих здесь нет.

Лозицкие, схватившие в охапку детей.

Алешин, нырнувший в свою машину.

Роза и Толя Величко, убежавшие в цирковой подвал. И сколько их еще там осталось? Сколько из них умрет в ближайшие дни? Кто придет к железным дверям и будет без толку стучать и проситься к нам?..

Это все происходит не с нами, нет. В нашей жизни никогда бы такого не случилось. Такие вещи происходят где-то далеко и с кем-то другим, а мы только слышим об этом из новостей.

Это не с нами.

Глава 3. Красный проспект

Очнулся я уже в лазарете на Проспекте. И тут же увидел расплывающийся белый халат Глеба. Сон все еще резонировал во мне, но, как старый витраж, рассыпался по частям, истаивая и теряясь где-то на бетонном полу. Пытаясь ухватить хотя бы один из кусочков сна, я, кажется, укололся об его острые края и глухо застонал.

Тупая боль, разливающаяся по телу, – это первое, что я помню после того, как... а после чего? В голове пустота. Я не могу думать, не могу открыть глаза. Хочется снова провалиться в мягкую темноту и забыть об усиливающейся боли в спине. Она накатывает волнами, то нарастая, то почти затихая. Но каждая последующая волна сильнее предыдущей.

– А! Живой! – обрадовался Глеб и, чтобы окончательно привести меня в себя, сунул мне под нос вату, пропитанную нашатырным спиртом. Я тщетно силился поймать медбрата в фокус. Белый халат расплывался, размазывался в неровное пятно и раздваивался. Мед-братьев становилось двое.

Мне с трудом удавалось воспринимать всякие сложные слова, которыми оба Глеба так и сыпали. На анализ простейшей информации у моего мозга уходило по несколько секунд. Смысл сказанного или происходящего доходил до меня с запозданием.

– Если бы тебя не приволок на станцию тот рыжий, ты бы погиб, – сказал Глеб, щупая мой пульс.

Я резко вскочил, в голове что-то зазвенело, а перед глазами забегали «мошки». Кажется, что именно от них, от их бестолкового мельтешения и исходил этот тонкий, слышный только мне звон. Зато Глеб снова стал единственным и неповторимым в своем роде.

– Какой рыжий?

Медбрат сердито зашипел и уложил меня обратно в постель.

– Не знаю. Мне наши постовые, что у гермоворот стоят, рассказали, когда тебя принесли. Мол, какой-то рыжий тебя на своем горбу тащил. Этот парень тебе жизнь спас. Отдал тебя нашим – и обратно наверх, только его и видели.

На меня разом навалились воспоминания о походе к цирку. Щука, страшно кричащий Гуль, раны Леши.

– Глеб.

Медбрат что-то промычал в ответ, давая понять, что слушает.

– Где мои гаврики?

Глеб перестал греметь склянками в своем сейфе с лекарствами и повернулся ко мне. От одного взгляда на его лицо мне показалось, что внутри мне плеснули кипятка.

– Гуль не вернулся, Алексей тяжелый.

Когда Глеб сообщал плохие новости, он всегда говорил очень коротко, будто надеялся, что чем короче слова, тем быстрее утихнет боль от них.

Гуль не вернулся.

Алексей тяжелый.

Я сжал в пальцах старую, пожелтевшую от времени простынь. Тело налилось свинцовой тяжестью. Я лежал молча и смотрел на серый в разводах потолок со свисающими на тонких проводах тусклыми лампочками.

Мыслей не было. Только глухая, давящая изнутри пустота и полнейшее бессилие.

Помню, как они привели ко мне пацанов, большая часть которых и неба-то не видела никогда или не помнила, что оно из себя представляет. Худые, бледные. Обнять и плакать, как сказал бы мой тренер по воздушной гимнастике. Те, что родились на поверхности, были еще ничего. Но и их подкосили годы жизни под землей, без солнечного света. Так или иначе, все эти мальчишки пришли ко мне, желая стать настоящими сталкерами. Кто-то быстро растерял весь свой романтический настрой, едва прикоснувшись к суровой действительности. На деле мы не носим сияющих доспехов и нас не встречают с почестями, но в широко распахнутых детских глазах мы выглядим героями и спасителями. Часть ребят отсеялась после тяжелых тренировок, обучения и первых робких вылазок на поверхность, и в тот злосчастный день я вел самых способных.

Я понимал, что могу дать им все, что знаю, но не смогу контролировать каждый шаг, подстраховывать везде и всегда. Мне никогда не уберечь их от случайности и глупой ошибки. Мы загубели и привыкли к смертям в этих катакомбах, нас мало что трогает, но все равно, особенно больно, когда утекают, просачиваются сквозь пальцы жизни молодых, тех, кто, по-хорошему, должен был бы жить и строить на руинах старого мира, и ты понимаешь, что не можешь ничего с этим сделать.

В другой реальности я бы сказал, что я просто не педагог, мне это не дано, что здесь такого... Но в нашем мире я на это права не имею. Я должен был больше муштровать, заставить их относиться серьезнее. Недостаточно... Не справился... Не он, а я не справился.

«Они даже не твои дети», – говорил мне изнутри гаденький голосок, но это не успокаивало. Мы здесь больше, чем семья, мы – жалкие остатки разорванной в клочья цивилизации, которые пытаются выжить, держась друг за друга.

Они все доверяют мне, как отцу, и даже больше. Дядя Эдик скажет, что делать, куда бежать, где безопасно, а куда не соваться. Дядя Эдик приручает мутантов. Я был противен сам себе за то благоговение, с которым на меня смотрели.

Еще я никак не мог вспомнить, что произошло с Гулем. Возможно, в тот момент сознание уже покинуло меня, но как тогда объяснить, что я отчетливо помню, как звучал его вопль? Помню волочащего за собой Алексея Щуку. Я встрепенулся и с замиранием сердца спросил Глеба, где Щука.

– Я здесь, – отозвался хриплый голос из-за ближайшей ширмы.

Значит, жив.

Я спросил Щуку, как он, но ответа так и не услышал.

* * *

Рваная рана на спине затягивалась тяжело и неохотно, но отлеживаться до полного выздоровления я не собирался – меня ждали дела и люди. Глеб только покачал головой, но останавливать не стал, знал, что бесполезно, мы знакомы не первый год. Я открыл некогда белую, а теперь пожелтевшую дверь лазарета и вышел в тускло освещенный коридор.

Миновав его, я оказался на залитой электрическим светом платформе. Сейчас, условным днем, здесь кипела жизнь. Люди входили и выходили из жилых палаток, кто-то спешил к общему костру, чтобы приготовить еду, вскипятить воду, отдохнуть в тепле или, чего уж там, посплетничать. Разводить открытый огонь в непосредственной близости от палаток, конечно, запрещалось. Да и сами палатки предусмотрительно ставили на дистанции друг от друга, чтобы в случае пожара не выгорела вся станция, как это случилось десять лет назад с «Маршальской». Так что каждое утро на платформе разводили один общий костер, который лично мне навевал ассоциации с кухней в коммунальной квартире.

Мимо меня прошли несколько рабочих с фермы. Судя по разводам земли и зеленым травянистым пятнам на одежде, шли они из «теплиц», где выращивали уникальные для метро вещи: зелень, подорожник и даже огурцы.

Сверху, из бара, возведенного прямо над платформой, слышался пьяный вопль какого-то забулдыги и звон разбитого стекла.

По винтовой лестнице тотчас взлетели парни из СБ – скручивать дебошира. С такими у нас на станции разговор короткий. Под белы ручки и в вытрезвитель – маленькое помещение под станционной платформой.

Завидев меня издали, Бродяга тут же поднял визг и понесся в мою сторону на всех парах, виляя голым, как у крысы, розовым хвостом. Это странное трехглазое существо с телом собаки и костяным гребнем по хребту радовалось мне, как самый настоящий домашний пес.

Опуститься на колени было еще тяжело, но чего не сделаешь для того, кто тебя любит без причин, именно тебя – покрытого шрамами, озлобленного старика, несмотря на все твои огрехи и неудачи. На душе потеплело.

– Ждал меня, черт лохматый?

Бродяга в ответ только уткнулся мне в подмышку треугольной мордой. Я потрепал его по загривку.

– И я тоже скучал. Ну, все, все, хватит, веди домой. Из палатки вышел Гурский, бывший воздушный гимнаст. Бродяга кинулся к нему и начал бегать вокруг. Привязался за те дни, что я валялся в больнице.

– Славный парень, – сказал Гурский, кивая в сторону животного, – хорошо, что мы не пристрелили его тогда.

– Помнишь, как ты нас всех напугал? – обратился он уже к Бродяге.

А испугались мы, действительно, знатно.

Несколько месяцев назад в одной из общих спален, незадолго до того оборудованных в подсобных помещениях «Проспекта», из вентиляционной шахты стал раздаваться истошный звериный вой. На станции поднялся такой шум, что я спросонья решил, будто началась война, нашествие крыс или еще какой-нибудь нечисти.

Картина маслом: небольшая спальня с двухъярусными койками, застеленными разномастными одеялами. Все кровати разворочены и пусты, а жильцы комнаты сгрудились у двери снаружи. А те, что посмелее (или подурнее, это как посмотреть), встали у дальней стены спальни и смотрят, как молодцы из службы безопасности крутятся возле отверстия воздуховода, откуда доносится жуткий замогильный вой, отдаленно напоминающий детский плач. Что-то сидело в вентиляции и выло, как оживший ночной кошмар. Джин был уже на месте, сдерживал зевак от неразумных действий.

- Заря бы пристрелила, - Джин посмеивался над ней, но явно симпатизировал.

- У нее на все один ответ, - я усмехнулся, - в добрых традициях СБ.

Но тогда я жестом остановил прямолинейную девушку, подошел ближе и посветил фонарем вглубь черного провала. Вой усилился. Звук отражался от стен в ограниченном пространстве и искажался.

Пока служба безопасности занималась своим делом - выводила людей, я соображал, что могло поселиться в вентиляции. Понятно, что это был мутант, понятно, что не зубатый и не химерка. Первый не пролез бы, вторая не воет. Хотя кто знает, сколько еще видов искореженных радиацией животных мы здесь встретим. А это явно было что-то небольшое, размером с кошку, и не походило ни на какие известные мне создания.

По моей просьбе Джин принес сырого мяса, и я бросил кусок в воздуховод. Совать внутрь руку не хотелось, так можно и пальцев не досчитать. Вой стих. В шахте что-то заскреблось, зашевелилось и зашуршало. Послышался торопливый чавкающий звук. Существо, видимо, проголодалось. Такая же процедура продолжалась еще несколько раз. Заре и Джину не было видно, что я каждый раз старался класть куски мяса поближе к выходу из вентиляции.

Наконец, оттуда показался чей-то черный нос. Я сделал страшные глаза и прошипел молодцам из СБ, чтобы они вели себя тихо. А существо из вентиляции уже высунулось наружу. Я стоял, не шевелясь, держа в руке последний кусок крысиной тушки, и ждал. Наконец не то щенок с тремя глазами, не то облученная крыса, в общем, создание учуяло что-то вкусное у меня в руке и подалось вперед. Я аккуратно положил приманку на пол и медленно отошел в сторону.

Так у меня появился Бродяга.

А сейчас Джин махал у него перед носом кусочком сырого мяса, и маленькое дьявольское отродье принялось кружить вокруг нас и щурить третий глаз, что у него выражало душевную щенячью радость.

* * *

Я не привык сидеть без дела, поэтому уже на следующий день сам вызвался дежурить в радиорубке. До другой работы на станции или в окрестных туннелях меня все равно не допустили бы до тех пор, пока не заживут мои раны. А так – хоть какое-то занятие. Впрочем, бесполезное, это надо признать.

Аккуратно откинувшись на спинку вертящегося стула, я с мрачным видом уставился в потолок, на котором красовались погасшие лампы дневного света. Несмотря на то, что на «Проспекте» был генератор и техники, обслуживающие электросеть, в комнатку радиоштаба электрический свет не заглядывал уже два дня. Наверное, где-то обрыв. Так что приходилось довольствоваться маленькой керосиновой лампой, стоящей на столе. Все-таки это, смею заметить, расточительство чистой воды. Или правильнее сказать – чистого керосина? Дешевле вызвать техников – пусть починят проводку. Нельзя же сидеть тут в темноте и слушать шипение пустого эфира.

Топливо в метро ценилось на вес золота. Горючее с поверхности регулярно доставлялось на станции сталкерами. Но топливо там скоро закончится, это понятно и ребенку. Так что химики и самоучки с «Октябрьской» и «Сибирской» рьяно взялись за дело, изобретая какой-то новый вид горючего. Интересно, что у них выйдет?

– Говорит Новосибирск. Станция метро «Красный Проспект». Кто-нибудь слышит нас? Отзовитесь. Прием, – монотонно повторял я в микрофон.

Ничего. Эфир пуст, но администрация «Проспекта» дала приказ – искать до тех пор, пока не найдем. На такой работе сильнее всего одолевает отчаяние, а после нескольких часов в полутемной комнатке и однообразного повторения заученных до автоматизма фраз хочется только одного – занять мысли чем-нибудь другим. Тянет хоть на зеленые плантации, хоть на патрулирование

станции, хоть в дозор вне очереди – на любую работу, только не в радиоштаб. Но мне после перенесенных травм ничего другого не оставалось. Сейчас я не годился ни для дежурств в туннелях, ни для работы в «теплицах», ни уж тем более – для походов наверх. Поэтому комендант и пристроил меня сюда, пока не поправлюсь.

– Говорит Новосибирск...

Цирк, да и только. Что они хотят там услышать? Кого? Полгода уже ищем, с тех пор, как нашли этот клятый передатчик, и что? И ничего. Ни звука. Может, все уже умерли, а мы одни тут остались.

Раньше мысль о том, что во всем мире, возможно, осталась только вот эта горстка людей, укрывшихся в сибирском метро, повергала меня в ужас. Но не теперь.

Сейчас мне было все равно. А хоть бы и остались, пусть. Что нам с того, есть или нет кто-то за пределами метро, если мы не можем толком из него выбраться? Снуем по близлежащим кварталам, запакованные в защитные костюмы, противогазы, вооруженные до зубов. И приносим домой, вниз, какие-то крохи, кусочки прошлого, на которых можно протянуть еще чуть-чуть.

Цари мира, мать их.

– ...кто-нибудь слышит нас? Прием.

На старых механических часах, в которых еще сохранились шестеренки вместо проводов, стрелки уверенно ползли к четверем утра. Да, ночная смена в радиоштабе могла измотать кого угодно, а монотонное повторение одних и тех же фраз натерло мне язык едва ли не до мозоли. И ни одного отклика в эфире. Никого. Пусто.

– Прием. Говорит Новосибирск. Станция метро «Красный Проспект». Прием. Кто-нибудь слышит нас? Ответьте. Прием.

Морфей опять подкрался ко мне, закрыл глаза ладонями и хотел было уже увести назад, в свое царство, когда треск в радиоэфире вдруг надломился и

завучал иначе. Словно на той стороне кто-то шептал что-то неразборчиво.

Да, в сплошном шорохе часто слышатся голоса и прочие звуки, это не более, чем шутки нашего мозга, легкие слуховые галлюцинации, но в эту минуту я совершенно точно что-то слышал!

- Прием! Вы слышите нас? Отзовитесь!

С меня в момент слетел весь сон.

- Вы меня слышите? Ответьте, прошу вас! Прием! Говорит Новосибирск! Отзовитесь!

Из наушников и впрямь доносился тихий мужской голос, перебиваемый помехами.

- Прием! Отзовитесь, ради всего святого!

Но неизвестный мужчина продолжал бормотать что-то, не слыша моих окриков. Я нырнул под стол и проверил, точно ли подключен микрофон? С нашей стороны техника была в полном порядке, но собеседник, видимо, меня не слышал. То ли у него вышли из строя динамики, то ли он был глухим, то ли сошел с ума. Впоследствии я склонялся к последнему.

- ...Один я в мире остался, - всхлипывал голос - Один! Все померли, вся команда, один я остался. А они вон, в соседнем отсеке гниют. Но хватит с меня, натерпелся. Пять месяцев здесь уже одишешенек сию, и все...

- Прием! - заорал я что было сил, теряя самообладание. - Прием! Отзовитесь! Говорит «Красный Проспект»! На связи Новосибирск! Отзовитесь!

Помехи усилились и теперь стали похожи на визг ведьмы банши, являвшейся к дому обреченного на смерть человека. Я медленно покрутил регулятор, надеясь поймать более четкий сигнал, но голос неизвестного окончательно растаял в помехах.

Сжав зубы, я попытался снова настроиться на потерянную волну. Однако вместо несвязного бормотания в эфире грянул совершенно отчетливый пистолетный выстрел.

От неожиданности я вздрогнул.

И, все еще на что-то надеясь, еще несколько раз назвал наши позывные. Ничего.

Медленно отходя от шока, я тупо уставился в стену, рассматривая проплешины осыпавшейся краски. И с пугающей ясностью мне вдруг представилась картина...

Маленький, тесный бункер. Небольшая гермодверь с запорным штурвалом, мощный передатчик с неисправными динамиками на столе. А за столом – мертвый человек, сошедший с ума от страха, одиночества и безысходности. Вот катится по столу стреляная гильза, падает вниз и со звоном ударяется об пол.

Внутри меня словно пронеслась раскаленная песчаная буря, оставив после себя лишь скрипящий на зубах песок. Столько дней, ночей, месяцев искать, механически повторять заученные фразы, отчаиваться, надеяться, что хоть кто-то когда-нибудь отзовется на твой голос из пустого и мертвого эфира!..

Что кто-то там, за пределами метро, наших мрачных кротовых нор, еще жив. Что кто-то так же ждет, ищет, зовет, кричит в тишине, надеясь, что ему когда-нибудь ответят.

Надеется.

А потом хоронит надежду и пускает себе пулю в голову.

Сердце колотилось как бешеное. Ладони сами собой сжались в кулаки. Хотелось что-нибудь разломать. Так, чтобы от души, чтобы вдребезги! Выместить всю злость за месяцы и месяцы бесплодных попыток. Мы искали, мы звали, мы надеялись, а теперь что?

Он просто застрелился!

Выдохнув несколько раз, я успокоился. Этот парень явно сошел с ума от страха и одиночества. Я ничем не смог бы ему помочь.

Для него все было кончено задолго до этого выстрела.

Глава 4. Леха

В лазарете стоял извечный пугающий запах дезинфекции с примесью ржавого железа. Пол и стены здесь были облицованы плиткой, чтобы легче мыть. За дверью в дальнем конце помещения располагалась скромная операционная, хотя, пожалуй, по меркам старого мира операционной это место можно было назвать с большой натяжкой. Извлечь пулю, наложить швы, принять роды наши доктора могли, но никто здесь не давал гарантий, что пациент выживет и не останется калекой, да и никто таких гарантий не требовал. За годы под землей все усвоили, что без медицинской помощи, даже такой, любая травма могла закончиться смертью.

Леха лежал на кровати, бледный и очень слабый. Рядом, на небольшом столике, валялась упаковка с одинокой таблеткой обезболивающего. Парень тяжело дышал и мямл белыми пальцами простыню.

Лекарство, произведенное два десятка лет назад, давно пришло в негодность, и конечно, не действовало.

Увидев меня, Леха разлепил ссохшиеся губы и хрипло произнес что-то невнятное. Подойдя ближе, я почувствовал запах гнили. Гангрена.

Я присел на стоящий рядом ящик, заменяющий здесь стул.

- Привет, говорю, - прошелестел сталкер, подавшись вперед.

Движение принесло с собой новую волну боли, отчего Леха захрипел, задышал часто и неглубоко. Послышались торопливые шаги. Мелькнул некогда белый, но теперь желтоватый от старости халат, и вот над кроватью Алексея уже навис Доктор и покачал своей рано поседевшей головой. Он помог парню присесть и

рявкнул, чтобы я принес воды. Подхватив со стола помятую металлическую кружку, я поспешил к бочонку, установленному в углу лазарета. В бок ее был вделан кран, как в старинном самоваре. В спину мне неслись тихие стоны Лехи и увещевания Доктора.

Когда я вернулся обратно, последний цыкнул на меня и махнул рукой, дав знак выйти за ширму.

В лазарете, кроме Лехи, находились еще двое пациентов: девчушка, рассекшая себе чем-то руку до мяса, и мужчина с воспалением легких. Девочка то и дело принималась хныкать, пряча лицо в подушку и прижимая покалеченную руку к груди, а мужчина временами злобно шипел на нее и тут же заходился в кашле.

Из-за ширмы показался Доктор. Кивнул, пропустил меня к Леше и удалился. Сталкер уже лежал на подушке, не хрипел, не стонал, только блаженно улыбался. Боль на время перестала терзать его.

- Эй, Циркач, смотри, - он откинул укрывавшую его ткань в сторону.

Гнилостный запах усилился, а я увидел почерневшую, распухшую и будто разваливающуюся на части руку.

- Отрежут, - вздохнул парень, накидывая покрывало обратно.

Но я успел заметить такие же черные пятна у него на боку. По спине пробежал холодок.

Не жилец.

Он - не жилец.

Я смотрел на него и думал: вот такое непредумышленное отсроченное самоубийство. По собственной глупости.

- Зачем тогда встал? - вздохнул я. - Ты чертов кретин!

Мои слова звучали, как начало хорошей выволочки, и может, оно и к лучшему. Пусть он думает, что мы с ним еще вернемся к этому разговору, и уж тогда он получит от меня по первое число!..

Но мне-то все было ясно. Он не протянет долго.

Леша улыбнулся.

- Тебя прикрыть хотел.

- Что?

- Тебя, говорю, прикрыть хотел. За твоей спиной еще одна летела, - он заулыбался шире, но улыбка больше напоминала мышечный спазм. - Ты ее не видел. Она бы тебя задрала.

Я не нашелся, что ответить. Что тут скажешь? Спасибо? Себя загнал, товарища подставил, помощничек.

- А вскочил зачем? Мог бы лежа дать очередь.

Парень пожал плечом. Одним.

- Не знаю. Сглупил.

И улыбнулся. Чего он все время улыбается?

- Циркач, подай мне, - Леша кивнул на кружку, оставшуюся на столе.

Взяв ее, я почувствовал знакомый сладковато-кислый душок.

Заметив выражение моего лица, сталкер усмехнулся.

- Да-да, оно самое, о чем ты подумал.

Он оперся на здоровую руку и перевернулся на бок. Мне пришлось поить его самому.

Леша сделал два больших глотка, сморщился и рухнул обратно на подушку. Он лежал тихо и неподвижно, только размеренно вздымалась под покрывалом его грудь. Я подумал было, что парень уснул, и хотел тихо выйти, как вдруг он окликнул меня.

– Циркач, стой.

Мне пришлось вернуться. Леша лежал, закрывая верхнюю часть лица ладонью – свет лазаретных ламп теперь резал ему глаза.

– Знаешь, Циркач, я часто вспоминаю, как ты...

– Как я – что?

Мне показалось, что он вот-вот скажет что-то очень важное.

– Когда я был еще маленьким, ты устроил для нас представление, помнишь?

Леха смотрел в потолок и не видел моей горькой усмешки.

Я помнил.

Глава 5. Дешевые чудеса

Какие же мы были дураки тогда. Это надо было додуматься – отправиться в здание цирка на поиски нужного реквизита. Подняться наверх, под отравленное и затянутое тучами небо. Туда, где фон превышал норму в разы. Рисковать собственными шкурами только для того, чтобы поставить представление. Ну не нелепость ли это?!

Ума не приложу, как мне удалось убедить тогдашнее руководство станции в необходимости этой вылазки. Я не помню, какие слова смогли их пронять, но, как бы то ни было, отряду, собранному из уцелевших цирковых, выделили какое-никакое снаряжение и дали добро на выход.

В тот день небо было пасмурным, серым, как мышь, и вспухшим от дождей. Накрапывало. Миновав проулок, мы оказались у широкой дороги. Но вот укрытий на начальном отрезке пути не было никаких. Разве что киоск с распахнутой настежь дверью, да несколько спиленных тополей у ближайшего дома. Не хотелось бы, конечно, идти по открытой местности, на виду, но ничего не поделаешь.

Я шел впереди, осматриваясь. Но в поле зрения не появлялось ничего живого. Только где-то вдали кто-то громко тьякал. Идущий рядом со мной иллюзионист по имени Ганс и так был весьма скромных габаритов, а тут сжался еще сильнее и прижал к груди автомат, будто рассчитывал спрятаться за ним в случае чего. За спиной я слышал отчетливый звук шагов берейтора Ермолова. Сколько раз его просили не топтать как слон? Словно прочитав мои мысли, Ганс резко обернулся назад и хотел было сердито шикнуть, приложив палец к губам, но ему помешал противогаз. Поэтому иллюзионист красочно, но несколько утрированно изобразил походку Ермолова. Последний смолчал, но дальше старался идти тише.

Путь от метро до цирка обычно занимал каких-то десять минут с учетом светофора. Но сейчас нам предстояло не идти, а пробираться к цели.

Под ноги то и дело подворачивались обломки и осколки. Несколько раз бывший цирковой униформист Гурский, шедший замыкающим, замирал и прислушивался. И в эти моменты мое сердце ухало вниз от щекочущего страха. Вдруг к завыванию ветра и лязгу каких-то металлических деталей примешается что-то еще? Шорох, посторонние шаги, выстрелы, крики, шепот...

Но вокруг царила тишина.

Лавируя между брошенных автомобилей, мы медленно приближались к цирку. По пути я старался не заглядывать внутрь машин. Видеть в них то, что осталось от людей, было почему-то страшнее, чем наткнуться на скелет или полуразложившийся труп на улице. Но волей-неволей взгляд упирался в

проржавевшие остовы.

Я видел останки тел, запертые в припаркованных машинах, разбитые лобовые стекла, намертво сцепившиеся куски металла, бывшие когда-то средствами передвижения.

Не дойдя немного до парковки, уставленной машинами, так и не дождавшимися своих хозяев, я, Гурский и Ганс приостановились, а через несколько секунд, все так же громко топоча, нас догнал приотставший Ермолов. Под одним из дальних авто что-то дробно застучало, в точности повторив ритм его шагов. Берейтор подозрительно сощурился и топнул еще несколько раз. И снова с дальнего конца парковки послышался такой же ритмичный стук.

Мы переглянулись.

Ганс щелкнул предохранителем. Я заметил, что руки у иллюзиониста мелко подрагивают.

Ермолов снова отбил подошвами ботинок замысловатый ритм. Нечто, напоминающее эхо, повторило его в точности. Мне стало не по себе.

– Обойдем, – предложил Ермолов.

Перебежав через дорогу, мы хотели было подойти к зданию цирка через дворы, но я шестым чувством определил, что в те места соваться не стоит. Мне вдруг показалось, что из окон ближайших домов на меня кто-то смотрит. Я даже оглядел фасады в бинокль, но никого не увидел ни в окнах, ни на крышах. А вот ощущение чужого взгляда на спине осталось.

Благополучно миновав опасный участок – парковку, – мы оказались на небольшой площади перед цирком. В самом здании были выбиты стекла, на широких каменных ступенях уже местами выросла трава, наш баннер, конечно же, оторвался с фасада и теперь сиротливо лежал на пороге. Я невесело усмехнулся – вспомнилась старая примета. Считается, что, если положить на входе в жилище афишу и почаще на нее наступать, то программа будет иметь успех, публика, как говорится, пойдет.

В горле пересохло, а в груди болезненно потянуло. Уверен, нечто подобное испытали в тот момент мы все. Гурский тяжело и шумно вздохнул, оглядывая изуродованное здание, Ганс с неуместным интересом уставился на собственные ботинки. И даже наш кремень Ермолов сокрушенно покачал головой.

* * *

Синий стеклопластик дверей рассыпался. Только узкие, похожие на клыки древних чудовищ осколки еще торчали из белых рам. Едва войдя, я увидел такие знакомые окошки касс, наклеенные на стены схемы зрительного зала с нумерацией мест и рядов, расписание спектаклей. наших спектаклей, половина которых так и остались неотработанными.

У дверей, за нашими спинами, все еще висели красочные афиши, будто яркие приветы из детского сна.

Фойе первого этажа расходилось в стороны от входа скругленным коридором. Я вслушался в неестественную тишину этого места. В цирке не бывает так тихо. Даже ночью. Обычно после закрытия здесь были слышны тихие шаги припозднившихся артистов, где-то вдали, в денниках, слышалось конское ржание и тигриный рык. Мирно похрапывал в своей караулке охранник.

Стволом автомата отведя в сторону занавес, я через боковой проход вошел в зрительный зал и огляделся.

Перед нами в свете ручных фонарей вырисовывался круг манежа. Некогда алый ковер был смят, а местами и вовсе разорван.

Гурский первым перелез через барьер и задрал голову к потолку.

Когда я сделал то же самое, у меня закружилась голова. Вспомнились воздушные гимнасты, на полотнах, трапециях и ремнях взлетающие ввысь. Презревшие гравитацию смельчаки, бескрылые летуны в ярких костюмах. Я тоже когда-то был таким.

На манеже осталась полусобранная клетка. Вскочив на бортик, я нарочно прошел мимо, цепляясь за нее пальцами. Фонарь выхватил из мрака клочки

пространства. Кресла, лестницы, забытые впопыхах вещи. Сдвинув в сторону форганг (прим. автора: форганг – занавес, отделяющий манеж от закулисной части), мы попали в сумрачный мир циркового закулисья.

Едва войдя, Ермолов тотчас зацепил ногой стоящий у стены контрабас. Инструмент низко загудел. Я старался идти осторожнее, подсвечивая себе дорогу фонарем. Ганс убежал вперед и замер у одного из своих таинственных ящичков, оклеенного зеркалами. Конечно, сейчас зеркала разбились и осыпались на пол. Один из крупных осколков хрустнул у меня под ногой.

Ганс стоял у своего аппарата, то закрывая его дверцы, то открывая опять. Кажется, это был его Волшебный шкаф, в котором на представлениях то появлялись, то исчезали разные предметы. А в финале номера в Волшебном шкафу и вовсе запирали Нинель – ассистентку Ганса. Она поднималась по ступенькам в блестящий в свете прожекторов шкаф, униформисты закрывали за ней дверцы, а когда открывали их снова, Нинель таинственно исчезала.

А горькая ирония заключалась в том, что девушка бесследно пропала в первые месяцы после Дня Икс.

Пробираясь к гардеробным, мы то и дело останавливались и замирали, прислушиваясь. Но везде было тихо, пусто, печально.

Окно в моей гардеробной было выбито, по полу, шурша, перекатывались сухие листья, подхваченные сквозняком. Зеркало, окруженное лампами, собрало на себе такое количество пыли, что разглядеть что бы то ни было в нем не представлялось возможным. Однако пыль не помешала чему-то страшному проникнуть из зеркальных глубин сюда, в реальный мир, в комнату, в мою голову. Нечто грузное, неповоротливое на первый взгляд, но на деле юркое и неуловимое скакало по столу, полу, подоконнику и чемоданам. Оно насмеялось, скаля острейшие акульи зубы в обрамлении перемазанных не то краской, не то кровью губ.

Скрипят дверные петли. Нет, это не ветер, проникающий в комнату через окно. Это оно по-птичьи сидит на двери и раскачивается, хихикая и хватая клювом мой страх. Оно питается им. На мгновение я вижу его. Птица с глазами, похожими на человеческие. Может, она выклевала их у кого-то? Клюв с рядами мелких и острых, как бритва, зубов. Встопорщенные перья на голове размером с мой

кулак.

Меня окликает Ганс. Птица, посмеиваясь и скаля зубы, исчезает. Но ненадолго, я это знаю. Она все еще где-то здесь. Щелкает зубастым клювом.

Не ответив, я снимаю с плеч рюкзак и принимаюсь судорожно запихивать в него костюмы, документы, грим, еще какие-то вещи, стараясь не оглядываться.

Меня нервирует эта птица. Я слышу, как она шуршит перьями и скрипит дверными петлями. Она скалится, смеется, изводя меня, и, наконец, я не выдерживаю. Подхватываю рюкзак и выбегаю вон из гардеробной. Вслед мне несется смех зубастой птицы.

* * *

Ганс откинул форганг, натянутый над входами в оба перехода, в сторону. Наш выход.

Работая номер с парным жонглированием, я в который раз осознал всю нелепость происходящего. Могли ли мы помыслить, что когда-нибудь у нас не будет тех стандартных тринадцати метров идеально круглого манежа? Что у нас есть теперь? Облицованная красным и белым мрамором площадка меньше десяти метров по диагонали. Мы проверяем наши костюмы счетчиком Гейгера и, дождавшись их из отделения санитарной обработки, спешно приводим в порядок. Гурский, занявший место покойного Бома, заучивает тексты реприз.

Отвлечшись на посторонние мысли, я не успел поймать одно из колец. Оно глухо стукнулось об пол и покатило куда-то к ступенькам, на которых расселись зрители. Ганс глазами метнул в меня несколько молний.

Зрители еще провожали нас вполне приличными аплодисментами, а на импровизированный манеж выбежала Анна, бывшая дрессировщица, раньше работавшая с голубями. Но сейчас дрессировать ей было решительно некого, поэтому Анна принимала участие в клоунских номерах.

А вот от эффектного появления перед публикой сестер Шаповаловых пришлось отказаться из-за недостаточно высокого потолка. Подкидная доска, с помощью

которой артисты могли взлетать в воздух, пылилась где-то на складе цирка, дожидаясь лучших времен.

Только когда они теперь настанут, эти лучшие времена? Через год? Два? Десять? Когда здание цирка заполнят птицы с человеческими глазами и ухмылками вместо клювов? Я почувствовал приступ дурноты, когда перед глазами появилась до боли отчетливая картина: в зрительном зале, на местах, некогда предназначенных для людей, восседают эти страшные птицы. Они кружат под куполом, постепенно перегрызая тросы и подвесные конструкции, обустроивают себе огромное гнездо на учебном манеже, разгуливают по коридорам, скрипят дверьми до тех пор, пока те не оторвутся, и вылетают на охоту за страхами редких людей, отваживающихся показаться на поверхности.

Глава 6. Задание

Поздно вечером, когда закончилась смена в радиорубке, я по пути в свою палатку наткнулся на Доктора и коменданта. В самом их появлении в служебном коридоре в это позднее время ничего удивительного не было, но странным показалось то, что при виде меня они резко замолчали. Доктор с преувеличенным интересом спросил, удалось ли мне что-нибудь поймать, и этим вопросом лишь усугубил мои подозрения. Да, так я и поверил, что тебе и впрямь интересно, услышал я что-нибудь из приемника или нет. Когда на станции установили передатчик, ты больше всех фыркал и ворчал, что мы занимаемся ерундой, и «ловить там нечего». Я ответил, что ничего не поймал и, не глядя на них, отправился к себе.

Уже сидя на постели и уставившись в старую книгу о цирке, которая в свое время попала ко мне какими-то мглистыми тропами в баулах челноков, я не мог прочесть ни строчки и все думал о том, что видел и чего не слышал. Меня терзало смутное предчувствие чего-то нехорошего. Понятно, что эти двое не просто так замолчали, стоило мне появиться. Комендант серьезно болен? Он узнал, какими методами Доктор облегчает страдания пациентов? У нас началась эпидемия?

Я усмехнулся. Если в голову приходят версии одна другой бредовее, значит, пора идти спать. В конце концов, какое мне дело, что они обсуждали? У меня

свои задачи. И их выполнение требует всего моего внимания.

* * *

А наутро ко мне в палатку явился Ермолов. О его приходе я, само собой, знал заранее. Даже в утреннем станционном гомоне его тяжелые шаги были слышны издалека. Подойдя к пологу, Ермолов вежливо кашлянул и позвал меня по имени. Он был единственным, кто обращался ко мне, не используя прозвища, прилипшего ко мне двадцать лет назад.

- Эдуард.

Тон Ермолова не оставлял надежд на то, что он пришел просто пожелать мне доброго утра.

- Что?

- Нас вызывает Николай Степанович. Лично.

Отлично. Просто здорово. Ничто так не бодрит с утра, как новость о том, что тебя вызывает начальство.

Расстегнув полог палатки, я впустил Ермолова внутрь. Не из вежливости, просто нечего ему торчать там, у всех на виду.

Гость вошел, и, едва взглянув в его широкое и грубо вылепленное лицо, я понял, что вчерашнее предчувствие меня не подвело. Что-то произошло. Ермолов стоял нахмурившись и мерил все вокруг озабоченным взглядом. Вообще весь его вид был мрачнее обычного.

- Что случилось-то? - спросил я, не особо надеясь на внятный ответ.

Во-первых, Ермолов - это, по-моему, самый косноязычный человек, какие только существуют в природе. Во-вторых, если комендант вызывает меня лично ни свет ни заря, дело явно пахнет керосином.

Не дождавшись меня, мой ранний гость вышел из палатки. Быстро одевшись, я выбрался на платформу вслед за ним.

На станции шла обычная суетливая жизнь. Мимо меня промелькнул какой-то мужчина с чайником, полным кипятка. Работники фермы расходились по домам после ночной смены. По обрывкам их разговоров я понял, что несколько грядок с огурцами поразила странная гниль, и как ее вывести – неясно.

Вот только этого нам не хватало.

Пройдя под станционным баром, построенным прямо над платформой и видом напоминающим развалины старой крепости, мы свернули в служебный коридор. И там наткнулись на Романа и Зарю. Они стояли у кабинета коменданта и, видимо, ждали нас. Заря недовольно цыкнула, но от комментариев воздержалась.

Я насторожился еще больше. То, что кроме меня и Ермолова, сюда пожаловали глава внешнего патруля и заместитель командира службы безопасности, сулило неприятные новости.

Войдя в кабинет, мы застали коменданта хмуро разглядывающим большую карту метро на стене. Николай Степанович взглянул на нас и затушил недокуренную самокрутку в пепельнице.

Рассохшийся стул подо мной тонко скрипнул, а взгляд привлекла та самая карта на стене. Схема подземки на ней была вся покрыта пометками, предупреждающими знаками и даже короткими пояснениями. Свет от настольной лампы падал на карту так, что в полумраке оставались две станции Ленинской линии: «Студенческая» и «Площадь Маркса». Я невольно усмехнулся, ведь как раз эти станции были нам недоступны. Метромост обрушился в Обь еще в самом начале, а он был единственным средством сообщения с левым берегом.

– У нас ЧП, – начал Николай, глядя на нас водянистыми глазами.

Заря поджала губы – ей так и хотелось фыркнуть, как она делала всякий раз, когда услышанные слова ей не нравились. Но уважение к руководству заставляло ее держать себя в руках.

– Отряд сталкеров, который мы снарядили для исследования берега реки, уже двое суток не выходит на связь.

– Зачем нам исследовать берег? – Ермолов удивленно вскинул брови.

Николай ответил, что отряд искал способ перебраться на ту сторону.

– И узнать, есть ли люди на двух отрезанных от Большого метро станциях, – добавил он.

Я внимательно взгляделся в него. Узнать, есть ли там люди? А почему их судьба не беспокоила вас, товарищ комендант, все те годы, что вы на посту? Почему именно сейчас вы решили выяснить это? Вы рассчитываете, что мы проглотим эту чушь?

– У них был при себе груз? – подала голос Заря.

– Нет, ничего важного.

Николай ответил на вопрос слишком быстро, чтобы можно было ему поверить. Если у группы не было при себе ничего особо ценного для станции в целом или для коменданта лично, то черта с два нас бы отправили их искать. Просто записали бы пропавших в покойники.

Роман, как и я, пристально смотрел на сидящего за столом главу станции. Тоже что-то такое понял?

– Как давно они вышли отсюда? – уточнил я.

– Четыре дня назад, – Николай Степанович встал со своего места за столом и зашагал по кабинету из угла в угол.

И этим он окончательно выдал себя.

Врет...

У сталкеров было что-то важное. Какой-то груз или информация.

- И у них при себе не было ничего ценного? - я притворился, что просто решил внести окончательную ясность в вопрос. - Аппаратуры, скажем? Лекарств?

Комендант вздрогнул и быстро глянул на меня. Понял, что я намекаю на его ночную беседу с Доктором.

- Или, скажем, каких-нибудь чертежей или схем?

- Нет, ничего. Но мы все равно должны найти этих людей, - ответил глава станции. - И вам четверым следует выступить как можно скорее.

А к чему такая спешка, товарищ комендант? Почему вы так не рвались снаряжать группу на поиски пропавшей в туннеле дрезины? Вернее, сама дрезина-то нашлась, а вот пассажиры, простые, мирные жители с «Маршальской», исчезли прямо в перегоне, будто их и не было. Почему было не поискать их?

Пока Николай обрисовывал нам план действий, я то и дело бросал на него быстрые взгляды. Не смотрит на меня. И вообще ни на кого.

Только когда все вышли из кабинета, я еще раз спросил коменданта, что все-таки происходит: Ведь кто-то же должен знать правду. Хотя бы один человек из отряда.

- Поймите, чтобы знать, как действовать, хотя бы кто-то из нас должен видеть все карты, - убеждал я его. - Иначе мы рискуем допустить крупную ошибку. Вы и сами должны это понимать.

Тот молчал.

- Что они несли с собой?

- В том отряде был мой сын, - ответил Николай и снова отвернулся к карте на стене.

II отделение

Глава 1. Площадь

Блокпост на «Площади Ленина» можно было весьма и весьма условно назвать линией обороны. Никаких заграждений, мешков с песком, прожекторов, ворот, баррикад – ничего. Даже шлагбаум эти остолопы не посчитали нужным поставить. На двухсотом метре у небольшого костра нас встретили двое дозорных, лишь один из которых крепко держался на ногах. Второй пошатывался, распространяя вокруг себя крепкий сивушный дух.

Они заметили нас, когда мы подошли почти вплотную, несмотря на яркий свет наших фонарей.

– Стой! – просипел один из «дозорных», потрясая странным ружьем, явно собранным непонятно из чего каким-то местным мастером – Стой, гады! Стрелять буду!

Взглянув на Зарю, поглаживающую затвор автомата, как любимого котенка, я усмехнулся. У нее явно появилось страстное желание наделать в забулдыге лишних дыр.

Мне как командиру отряда пришлось выйти вперед и, убрав автомат за спину, с поднятыми руками подойти к костру, возле которого расположились двое мужчин. Взглянув на руки одного из них, я насчитал на них по шесть пальцев.

– Вы кто такие? – икнув, спросил тип с самодельным оружием.

Мой взгляд скользнул по фигуре, размахивающей передо мной стволом. Рост – метр в кепке и в прыжке, ладошки потные о штаны вытирает, глазенки от страха бегают, и все в туннель, в туннель заглядывает, на ребят и на меня смотрит.

– Мы с «Проспекта». Просто хотим пройти, – максимально добродушным голосом ответил я.

То, что дозоры «Площади» в туннелях, ведущих к Проспекту, не отличались ни боевой подготовкой, ни серьезным вооружением, не означало, что эти люди не представляют угрозы. Многие на станции имели отношение к криминалу, каждый второй житель «Площади» был членом какой-нибудь группировки. И разные мелкие сошки вроде тех, с которыми мы встретились в туннеле, могли пустить в ход оружие по любому поводу. Они напоминали озлобленных твякающих шавок, способных перегрызть тебе глотку за один нехороший взгляд. А вот те, кто поднялся в местной бандитской иерархии повыше, уже не разбрасывались ножами и пулями направо и налево. Зачем, если есть такие вот «шестерки», которые с радостью замарают руки чужой кровью вместо них?

– А пропуск у тебя есть? – протянул другой дозорный, поднимаясь со своего места и оглядывая меня мутными красными глазами. – И что это за падаль?! – вскричал он, тыча стволом пистолета в Бродягу.

До этого момента тот смирно сидел у моей ноги. Однако теперь зарычал, оскалился и угрожающе двинулся к парню. Тот в свою очередь заверещал еще громче и трясущимися не то от выпитого самогона, не то от страха, не то от всего сразу руками попытался передернуть затвор. Я крепко схватил Бродягу за поводок и оттащил в сторону.

– Спокойно, это мой пес. Не пугай его, и он тебя не тронет.

– Убери его, или пристрелю! – вполне членораздельно произнес красноглазый.

Кажется, от страха с него в момент слетел весь градус.

Бродяга зарычал и рванулся с поводка. Однако теперь он рычал не на дозорного, а скалил зубы, уставившись всеми тремя глазами на неприметную дверь в хозяйственное помещение. Кажется, раньше рабочие метро хранили там свои инструменты. Роман и Ермолов беспокойно переглянулись, Заря звонко передернула затвор. Дозорные замолкли и тоже уставились на дверь. Коротышка, кажется, не отличающийся особым умом, хотел было пройти вперед и посмотреть, что такое могло взбудоражить странного пса, но красноглазый остановил его. Я обратился в слух, пытаюсь уловить малейший звук из темного

проема.

– Спусти своего урота с поводка, скажи ему «Фас»! – потребовал красноглазый, оглядываясь на оскалившегося Бродягу.

– Эдик скорее тебя туда закинет, – процедил Ер-молов.

В черноте дверного проема что-то зашевелилось, но даже с фонарем я ничего не мог разглядеть, только какое-то непонятное движение и шорох. Как будто перья задевали бетонные стены. Я вгляделся в черноту перед собой. Там, в комнате, точно что-то было. Мрак еле заметно шевелился, словно по полу бывшего склада ходила небольшая фигура. По полу отчетливо шуршали перья. А уж когда из темноты послышалось вкрадчивое хихиканье, я почувствовал, как по телу пробежала дрожь.

– Вы слышали? – шепотом спросил я и медленно, держа дверной проем на прицеле, двинулся в темноту.

– Нет, – ответил Ермолов, стоявший к проему ближе всех.

– Я тоже ничего не слышу, – удивилась Заря.

Хихиканье зазвучало снова. Бродяга зарычал громче.

– Ну вот, сейчас! – я обернулся к своим.

Рома покачал головой.

Тишина.

Луч фонаря осветил стены комнаты, покрытые слоями облупившейся краски, напоминающей чешую. На полу тихо ржавели какие-то части непонятных механизмов, а на потолке сиротливо висел одинокий провод. И больше ничего. Комната была пуста. Ни других дверей, ни люков в полу, ни трещин, куда можно было бы забиться, – ничего. Но ведь я совершенно отчетливо слышал тихий смех и шорох.

Бродяга принюхался, сощурил третий глаз и без опаски вошел следом за мной. Обнюхал несколько лежащих на полу шестерней размером с кулак, чихнул от попавшей в нос пыли и деловито вышел обратно в туннель.

Шагнув следом за ним, я наткнулся взглядом на Зарю. Она стояла у проема и в упор смотрела на меня. Слишком пристально.

– Показалось, наверное, – я широко улыбнулся.

А внутри что-то неприятно скрутило. Я ведь точно слышал это мерзкое хихиканье. Бродяга тоже не станет рычать ни с того ни с сего. Так куда же делось то, что затаилось в темноте? Растворилось в ней, как в кислоте? Исчезло?

Я бросил короткий взгляд на Зарю, все еще не сводившую с меня глаз. Она ничего не слышала. И Роман. И даже Ермолов, остановившийся всего в паре метров от двери.

Комната пуста, выйти из нее можно только в туннель. Но смех ведь был.

Дозорные, сообразив, что опасности нет, с отважными лицами первопроходцев юркнули в складское помещение. Ермолов усмехнулся.

– Вот клоуны, – сплюнул Роман.

Мы двинулись по туннелю дальше. Вскоре отсветы костра исчезли вдали, и нас обволокла привычная темнота.

* * *

Станция «Площадь Ленина» встретила нас сумраком средневекового замка, закопченными стенами и разлитым в воздухе тошнотворным запахом курительной смеси. Что, в общем-то, неудивительно, анархия не может ни сохранять, ни созидать.

Уже через несколько лет после войны «Площадь» стала жить по своим законам. Точнее, по понятиям. Она постепенно превращалась в выгребную яму, куда

стекались разного рода отбросы – бандиты, воры, шулеры, проститутки, убийцы, изготовители наркотиков, шпионы. Станция стала центром того, что раньше называлось криминалом. По слухам, здесь сидели главари банд и крутились немалые средства, и именно сюда слетались те, кто желал легких денег.

– Я думал, что тут все по-другому, – поделился с нами Ермолов, впервые за много лет попавший на станцию.

– А что ты думал? – поинтересовалась Заря.

– Во-первых, что они все-таки провели себе свет.

Действительно, без электричества было неуютно. Платформа освещалась только десятком-другим небольших костров в металлических бочках, вразнобой расставленных тут и там. Вокруг бочек сгрудились люди, откуда-то издали доносились выкрики, на середину платформы с грохотом выкатился запущенный кем-то помятый чайник.

– А во-вторых?

– Во-вторых – что здесь действительно организованная преступность, а не всякая шваль.

Я ответил Ермолову, что он ошибается.

– В чем?

– Местные только на первый взгляд разобщены. Да, здесь почти каждый состоит в банде. Вон, видишь, у того парня с цепью вокруг пояса обрита половина головы? Это знак Пауков. Мошенники, шулеры, мелкие воры.

– А почему Пауки?

Я усмехнулся.

– А потому что ручонки больно юркие. Пройдет такой мимо – раз! – и у тебя в кармане пусто, а ты даже не понял, как. Или вот, видишь, девочка с тремя

шрамами под глазом?

Ермолов кивнул. Он как раз во все глаза смотрел на девушку, мирно сидящую на полу у закопченной колонны. Жительница «Площади» нахмурившись глядела в туннель, будто ждала кого-то.

- Ага, - улыбнулся Ермолов, - красивая, разве что шрамы...

Девушка словно услышала, что говорят о ней, и смерила нас долгим тяжелым взглядом. Глаза у нее были разной величины.

- Красивая, - ухмылка пробежала по моему лицу. - Но - наемный киллер.

- Серьезно? - опешил парень и оглянулся через плечо так стремительно, что хрустнула шея.

- А ты подойди, спроси у нее, - фыркнула Заря.

Ермолов пробормотал, что, пожалуй, как-нибудь в другой раз.

Привлекать внимание местных не хотелось, но узнать, проходила ли здесь группа сталкеров с «Проспекта», было нужно. Идти к здешнему пахану, этакой бандитской пародии на начальника станции, я желаний не испытывал. Да и ни к чему это было. Нашу разведгруппу должны были приметить многие жители «Площади». Однако спрашивать у первого встречного - себе дороже. Можно было вызвать подозрения, лишние вопросы и вообще нажать массу неприятностей. Здесь такие порядки - подойдешь не к тому, а он тебе нож промеж ребер загонит.

Первым нашел подходящего человека Роман. Он неспешно подошел к сухонькой старушке, ковылявшей куда-то вдоль платформы. Ермолов, увидев, что в логове бандитов живет маленькая беззащитная бабуля, округлил глаза.

Следом за старушкой, держась чуть поодаль, постукивала перемотанными изолентой каблуками потрепанного вида женщина с копной торчащих во все стороны волос. Смесь сажи с жиром, которую некоторые девицы наносят на края век и ресницы, у нее размазалась, образовав вокруг глаз равномерные грязные

круги. Походка, явно задуманная как изящное покачивание бедрами, давно утратила всякое изящество и демонстрировала только усталость после специфического труда, а также предусмотрительно сделанный вырез на леггинсах, в самой пикантной своей части прикрытый короткой кожаной юбкой. По всей видимости, женщину окликнули от одного из костров, и она сально улыбалась наполовину беззубым ртом, глядя куда-то в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/grach_oleg/metro-2033-parad-alle

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)